

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Союз
писателей
Москвы

Александр
Ревич

Выпуск №1

Союз писателей Москвы

Библиотечка поэзии

Александр Ревич

Стихи

МОСКВА 2008

ББК 84 Р7-5

Р 32

Библиотечка поэзии
Союза писателей Москвы

Главный редактор

Людмила Осокина

Редколлегия

Елена Исаева

Алексей Караковский

Кирилл Ковальджи

Нина Краснова

Татьяна Кузовлева

Елена Лапшина

Галина Нерпина

Александр Тимофеевский

Р 32

Александр Ревич. - М., Союз писателей Москвы,
2008 - 31с. (Библиотечка поэзии СПМ).

Александр Михайлович Ревич - известный поэт и переводчик, ветеран Великой Отечественной войны, профессор Литературного института им. Горького.

Автор стихотворных сборников «След огня», «Единство времени», «Говорят поля», «Чаша», «Дарованные дни», «Из книги жизни», а также сборников переводных стихов.

Лауреат Государственной премии РФ по литературе и искусству за 1998 г.

ISBN 978-5-255-01677-10

О НАШЕЙ БИБЛИОТЕЧКЕ

“Что делать нам с бессмертными стихами?” – воскликнул Гумилёв по совершенно другому поводу, но сегодня это звучит –увы! – слишком конкретно. Как быть поэзии в жестоких условиях рынка, как ей быть в попсовом телевизионном пространстве, в бездонном, слишком доступном для графоманов Интернете? Это факт: поэзия с каждым годом богаче, а читателей всё меньше.

Вот мы и решили внести свой, пусть небольшой вклад в дело преодоления такой болевой ситуации. Решили выпускать недорогие книжечки избранных стихотворений современных поэтов – членов Союза писателей Москвы. Эти книжечки – своеобразные визитные карточки для представления данных авторов-профессионалов широкому кругу читателей.

К сожалению, массовый читатель знаком только с немногими ключевыми фигурами современной поэзии. Но есть много поэтов, заслуживающих внимания, но не удостоившихся по разным причинам всенародной известности. Их знают, в основном, только профессионалы, коллеги по литературному цеху. Но так хотелось бы, чтобы их имена стали известны многим. Поэтому для тех, кто заинтересуется тем или иным автором, мы даем его краткую библиографию.

Идея библиотечки давно носилась в воздухе. Но Союз писателей Москвы смог приступить к ее осуществлению только сейчас

Будем надеяться, что число помощников и спонсоров библиотечки со временем увеличится, тогда и периодичность издания, и тиражи возрастут, а уж за поэтами дело не станет!

Редколлегия

Александр Ревич

Александр Михайлович Ревич, известный поэт и переводчик, родился в 1921 году в г. Ростове-на-Дону. Среднюю школу окончил в 1939. Поступил в пограничное училище в г. Орджоникидзе и после его окончания в июне 1941 года сразу же попал на фронт. Участвовал в тяжелых боях, в том числе и под Сталинградом. Был трижды ранен. Награжден тремя боевыми орденами.

После войны учился на историческом факультете университета, затем — в Литературном институте. Наставниками молодого поэта в Литературном институте были сначала Василий Казин и Павел Антокольский, затем Владимир Луговской, Семён Кирсанов и Ярослав Смеляков. После окончания института в 1951 году для Александра Ревича начались будни профессионального литератора. Чтобы прокормиться и найти себя поэт стал заниматься переводами.

Переводил стихи Ф. Петрарки, В. Гюго, П. Верлена, И. Гёте, А. Мицкевича, Ю. Словацкого и других больших европейских поэтов прошлого. По словам поэта Владимира Леоновича "...Ревич стер разницу между понятиями Поэт и Переводчик".

В общей сложности в области поэтического перевода автор проработал более 50 лет. Его перевод "Трагических поэм" Теодора Агриппы д.Обинье удостоен в 1998 году Государственной премии в области литературы и искусства.

А собственные стихи ждали своего часа. Выход первой книги по различным причинам задержался почти на 20 лет.

О поэзии А. Ревича в разное время писали:

Илья Сельвинский — "Поэма Александра Ревича "Начало", мне кажется, станет заметным явлением в нашей поэзии. Это, несомненно, новаторская работа. Её стремительный, напряженный ритм, где сталкивается стих тактовой, ударник, паузник, полон толчков. Но внутренне прям, линеен, как бешеное движение экспресса на стыках. Поэма Ревича — не лирическая поэма, но будучи эпической, она полна такого воспаленного лиризма, как дай бог всякому";

Николай Панченко — "Ревич — один из немногих поэтов, чье присутствие в поэзии представляется мне

гарантией ее духовности в будущем. Мне дорог герой его книги – нежнейший лирик, чьи стихи, однако, вряд ли придутся по вкусу любителям благостной поэзии”;

Евгений Рейн – “...В книге Ревича всё о концентрации прожитого, переплетении прошлого с настоящим, о будущем, которое скрыто во всяком дне. Сквозь эти стихи пробивается подчас нечто очень значительное, какой-то ток, идущий из самого сердца нашей литературы”.

Библиография

След огня

М. «Советский писатель», 1970.

Единство времени

М.; «Советский писатель».1976.

Говорят поля

М.: РБП, 1995. — 107 с.

Чаша

Стихотворения. Поэмы. Переводы. — М.: Ладомир, 1999. — 206 с.

Дарованные дни

Стихи, поэмы, переводы. — М. : Время, 2004. — 734 с.

Из книги жизни

Поэмы, записки поэта. — М.: Радуга, 2007. — 285 с.

Переводы:

Поль Верлен. Стихотворения

М.: Художественная литература, 1998. — 315 с.

Теодор Агриппа д’Обинье. Трагические поэмы

М.: РИПОЛ классик, 2002. — 557 с.

Адам Мицкевич. Крымские сонеты

М. Радуга, 2004.

Паломник.

Страницы европейской поэзии XIV - XX веков

Москва : Этерна, 2007. — 560 с.

* * *

Ева, девочка, дикарка
в мокрых космах до крестца.
Лучше не было подарка,
тверже не было резца.

Ева, женщина. Колдунья,
дочь, праматерь и прапра...
Ты в какое новолунье
вдруг возникла из ребра?

Бог мой! Что это за диво
за кустами на песке,
как склонившаяся ива,
топит волосы в реке?

Что за дерзкое лукавство
обжигает навсегда,
долгоного и рукасто,
и текуче, как вода?

Тот ваятель был не промах,
знал он форму, ведал суть.
А в боку торчит обломок,
не забыть и не вздохнуть.

1975

* * *

Беспроволочный телеграф души
сигналы шлет в распахнутую бездну,
в иные времена. И пусть исчезну —
ты, речь моя, исчезнуть не спеши,
побудь среди живых еще немного,
в живое сердце зарони слова
моей тревоги. Так меня звала
чужая стародавняя тревога
из тайных сфер, из позабытых эр,
о коих говорится: «Время оно»,
и где за сотни лет до телефона
жил Данте, жил Овидий, жил Гомер,
и нам дышать их сутью сокровенной,
поскольку на земле во все века
останутся отвага, и тоска,
и женщина в другом конце Вселенной.

1972

ПРОВОДЫ

Арсению Тарковскому

На черном полустанке
в задымленном году,
лежащие подранки,
мы слышали беду
там, на платформе чёрной,
где в паровозный вой
влился гобой с валторной
и барабан с трубой.
В вагоне санитарном
сквозь дрёму и угар
над запахом камфарным
взлетела медь фанфар,
и, словно по тревоге,
привсталась вся братва:
безрукий и безногий,
а кто — живой едва.
За окнами вагона
над пёстрою толпой
мешался вздох тромбона
с взывающей трубой,
и женских плеч молчанье
в объятиях мужчин,
и детских глаз мерцанье,
и слёзы вдоль морщин.
Кого-то провожали,
и кто-то голосил,

куда-то уезжали,
и барабан басил,
и вышла из-под спуда
всеобщая беда,
ведь были мы оттуда,
а эти шли туда.

1980

* * *

Быть может, это в детском сне
и, может быть, во время хвори
чернел тот ангел на стене
в пернатом аспидном уборе.

Грузинского монастыря
взошла стена сторожевая,
и, плакал дух, видать, не зря,
слезами камень прожигая.

Был детский сон, был камень глух,
и всё на свете было глухо,
как мы, слезами плакал дух,
и очень жалко было духа.

2000

ПЕСЕНКА

Аркадию Штейнбергу

Не думать никогда о чистогане,
не дожидаться спелых виноградин,
Не плачь, мой друг, ведь мы с тобой цыгане,
есть конь у нас, и тот, чужой, — украден.

Приснятся кипарисы, но скорее —
сосновый бор, ольха или рябина.
Не плачь, мой друг, ведь мы с тобой евреи,
Есть дом родной, и тот, увы, чужбина.

От самого младенчества до гроба
скитается душа в жару и в холод.
Что толку плакать, мы бродяги оба,
есть молодость, и та — покуда молод.

Смыкаются над нами воды Леты,
холодные, как глубина колодца.
Что толку плакать, мы с тобой поэты,
есть песенка, и та — пока поётся.

1983

* * *

Ты— родная земля и эпоха,
я — лишь капля в реке бытия,
выдох, слово одно из-под вдоха
и одно из бесчисленных «я».
Капля тает под зноем июля,
иссыкает и речь, как ручей:
в этом шумном строительстве улья,
в наслоениях времен и ячей.
В наслоениях и напластованьях,
в суете расставаний и встреч,
в поздних сумерках, в отсветах ранних,
где звучит материнская речь.
В этом царстве с багровой рябиной
и осиновой медной листвой
я, любимая, твой нелюбимый,
нелюбимый и всё-таки твой.

1987

* * *

Car mon reve impossible a pris corps...
Paul Verlene. "Nevermore"*

В сон врывается листва,
море лиственного леса,
кров древес, ветвей завеса,
древний облик естества.

В сон врывается, как звон,
осеняя, укрывая,
эта песня ветровая,
эти зовы шатких крон.

И несут дорогой сна
в глубь зеленого чертога,
где кончается тревога,
где сквозит голубизна.

Этот сон, как жизнь твоя,
где под ветром всё в движенье,
где повтор и продолженье
колыбели бытия.

1987

СОБАЧЬЯ ПЛОЩАДКА

В тот год здесь исчезал за домом дом,
работа шла в жару и на морозе:
сперва крушили стены, а потом
трудились экскаватор и бульдозер,
затем возникли краны, блоки стен.
бетонной просекой вели дорогу,
возник проспект просторный, а затем
что было, позабылось понемногу,
но где-то здесь в арбатских закутках
дома недавно площадь обступали,
в листве звенела переключка птах,
и памятник стоял на пьедестале,
фонтан с литьём собачьей головы,
теперь такого не найдешь, увы,
а мы здесь мимоходом пробежали,
не замечая шумной детворы,
поскольку было нам не до игры,
поскольку было нам не до прогулок,
и всё исчезло — окна и дворы,
но этот разорённый закоулок —
в тебе не потому, что был велик,
а просто в память врезались фасады,
собачья морда и чугун ограды,
и так живут. Пока душа велит.

1987

КВАРТИРА

Здесь дом, куда вовеки не войти мне,
и двор, зажатый каменным каре,
направо дверь... Что может быть
интимней,

чем полумрак подъезда в сентябре,
когда лучи не достают окон
и лампочки не светят допоздна,
а если дождь гремит по водостокам,
и вовсе эта лестница темна.

Шагнуть бы в эти сумерки и споро
подняться по ступеням, а затем
нырнуть в знакомый хаос коридора,
где сундуки соседские вдоль стен,
где на крюках висят велосипеды,
салазки загораживают путь,
где было всё — и радости, и беды,
которых, к сожаленью, не вернуть,
хоть этот мир до боли узнаваем:
хор перебранки в кухне, визг пилы,
стук молотка, скрипучие полы —
всё это было коммунальным раем,
теперь достойным всяческой хулы.
Убогий быт, несчастная эпоха,
но как её теперь не назови,
всё это было в дни царя Гороха
порой надежд, печали и любви.

ОКНО

Подумать только, как давно
входить случалось в эти двери,
глядеть в просторное окно,
где листья шевелились в сквере
на дне квадратного двора,
где раздавался скрип качелей,
перекликалась детвора
и ясным утром птицы пели,
а там, над кровлей жестяной,
громадой каменной нависший,
краснел почтаamt глухой стеной,
слепил своей стеклянной крышей,
и это виделось в окне
из комнаты, где посредине
стоял мольберт и, как во сне,
высвечивалось на картине
окно, покатою кровли жечь,
над кровлею стена без окон,
всего теперь не перечесть,
но помнится, как чёрный локон
смахнула женщина с лица
и опустила кисти в банку,
а рядом плавала пыльца
в луче прохладном спозаранку,
и снова видится сейчас

тот законный образ чёткий
и взгляд усталый карих глаз
родной, увы, покойной тётки,
чей старый холст передо мной,
на нём окно, дома, а выше
стена над кровлей жестяной
и тусклый блеск стеклянной крыши.

1998

ФЛОРЕНЦИЯ. УЛИЦА ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Во Флоренции было не жарко,
с ветерком, а порою с дождем.
То карниз был укрытием, то арка,
то собор, то случайный проем.
Распогодится — снова в дорогу
вдоль цветистой мозаики стен,
от порога шагая к порогу,
от угла до угла, а затем
вырос этот корявый, замшелый,
схожий с крепостью дом угловой,
тяжкой глыбой, надгробною стеллой
нависающий над головой.
В этой улочке узкой и серой,
в этом доме явился на свет,
всё изведавший полною мерой
знаменитейший в мире поэт.
Говорили о нём: что за чудо!
Говорили: на нём благодать!
А жилось ему в общем-то худо
и в аду довелось побывать,
в том аду, где удача бездарна,
где любой угрожает закут,
где по руслу любимого Арно
воды Стикса всинцово текут.
Но это однажды отнимут,
и в изгнание придется нести

воды, портики, небо и климат,
пронизавший до самой кости,
до кости... и тоска неустанна
по деревьям. Следам на песке,
по Тоскане, а эта Тоскана
лёгкой дымкой дрожит вдалеке.
Так вот, значит, иди и не падай,
зубы стисни и рта не криви...
Но ведь был ему в муке наградой
вечный свет безответной любви.
В безнадежной печали — величье,
и в ненастном свечении дня
пролетает, как луч, Беатриче
сквозь него, сквозь века, сквозь меня.

1987

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

1

Когда коснулось глаз
свечение пещеры,
младенца в первый раз
окутал сумрак серый.

Стояли холода,
студя золу мангала,
и, хоть взошла звезда,
тепла не доставало.

В тот предрассветный час,
когда знобило плечи,
пришёл один из нас,
детёныш человеческий.

из света или тьмы
холодным новогодьем
явился в мир, как мы
обычно в мир приходим

на счастье иль беду,
чтоб встретить утро снова
в двухтысячном году
от Рождества Христова.

2

Совсем не трудно гвозди вбить в
ладони
и промеж ребер засадить копьё.
Что делать! Зародилось в смертном
лоне
Его живое тело, как твоё,
и потому Он преклонил колени,
когда уснули спутники в саду,
и у Отца просил соизволения
избегнуть казни, миновать беду.
Мы — ближние Его в скорбях и боли,
мы все от плоти плоть, от кости кость,
и стискиваем зубы поневоле,
представив, как вбивают первый
гвоздь.

3

Когда меж камней раскалённых
Его утомляла ходьба,
дышал он с трудом на склонах,
и смахивал капли со лба,
и пил родниковую воду,
такую прозрачную встарь,
и нищую славил природу,
неведомый странник и царь.

4

Всё это виделось когда-то
в начале мира, на заре:
стекло оконного квадрата
в морозных пальмах, в декабре.

Всё это виделось спросонья:
за дверью белый зимний двор
и пиковая масть воронья
пространствам снежным вперекор.

Всё это было до сознания:
тепло и пламя ночника
и призрачные очертанья
вещей, не названных пока.

Так возникал в глазах младенца
мир узнаваний и примет:
лицо, рука и полотенце
и древний смысл: «Да будет свет».

5

Говорят, в далёком ноябре,
в ночь, когда я вышел из утробы,
был мороз трескучий на дворе,
горбились за окнами сугробы.

В давнем южном городе мело,
вьюга за стеною выла бесом,
окон запотевшее стекло
поросло дремучим белым лесом.

С кранов лёд свисал, не стало дров,
не топили печь, воды не грели,
с первого мгновенья был суров
ты, мой век, от самой колыбели.

Многое случится, а пока
осязаны бережные чьи-то
две ладони, запах молока,
чья-то всемогущая защита.

Так, в одну из самых лютых зим,
в дни бескормицы и бездорожья
был незримой силою храним
маленький росток, подобье Божье.

* * *

Как стрела на излёте
при паденье в траву,
забываю о плоти,
только в звуке живу,

в звуке, в свете, в печали,
в том, что волей Творца
было Словом в начале
и не знает конца.

7 апреля 2000

* * *

М. Р.

И ласточки мелькнувшая стрела
над самую водою пролетела,
не замочив свистящего крыла,
не окропив стремительного тела,
над зеленью зеркального пруда
вдруг вырвалась на волю из под спуда,
возникла невзначай из ниоткуда
и тут же ускользнула в никуда,
как бы слилась с безоблачным простором,
с прибрежными кустами и кугой,
являя мир, являя сон, в котором
и вечность, и бескрайность, и покой.

19 июля 2000

РАЙ

1

Здесь вечный день и сон в тени деревьев,
и солнечных былинки шевеленье,
и всплеск ручья, и шелестящий лес,
овечье стадо, а за ним олень.

Здесь лев прилёт под лиственный навес,
и мирно дремлет волк. А в отдаленье
павлин уснул, и слон-тяжеловес,
и прочее лесное население.

Где это всё? Пришло издалека,
приснилось и растаяло — так странно
прямоугольником телеэкрана

бежит неуловимая строка.
и это всё пришлось нам слишком рано
забыть навек, чтоб вспоминать века.

2 октября 2000

МОЛИТВА НОЯ

Земля деревьев, трав, лягушек и жуков,
коней и окуней, синиц и прочих тварей
даёт своим жильцам питание и кров,
оберегает свой гербарий и виварий,

хранит их от жары, от стужи и ветров,
дарит одним огнём властителей и парий.
Кто знает, что таит ленивый взгляд коров,
Зеленый глаз кота или собачий карий?

Уже разверзлась твердь и хлынула вода,
уже на дне морском поля и города,
не скроются в горах ползущие по скатам.

Воздай нам, Господи, за подлость и хулу,
но избавленья дай хоть малому числу —
созданиям Твоим, ни в чём не виноватым.

7 октября 2000

СОН ОБ АРМАГЕДДОНЕ

Где-то за туманом время оно,
но сырою ранью до утра
снится суходол Армагеддона,
а быть может, так звалась гора.
Как в столетнем фотоаппарате,
панораму застигает мгла,
где в последний раз сойдутся рати:
с чёрной тучей — белые крыла.
Кажется, лежал я в поле этом,
двигался ползком, срывался в бег,
думалось, сраженье будет летом,
но белеет почему-то снег:
почему-то снег лежит не тая,
под снарядный вой и свист ракет,
и оделась в снег гора святая —
место боя на исходе лет.
Я исчерпал страх, и дух спокоен,
бой уходит по сухой стерне,
Господи, я твой последний воин,
хоть в последний раз. В последнем сне.

18 октября 2000

ЧАША

Мог бы совсем не родиться,
мог бы... Но слава Творцу!
вспомнишь забытые лица —
слёзы текут по лицу.

Снежное утро рожденья —
твой незапамятный мир,
тот, где чадили поленья
в печках озябших квартир.

Страху в глаза и отваге
острой крупую мелю,
бились кровавые флаги
с белой пургой в стекло.

Снова пространство в сугробах,
вьюга и выстрелы в лоб,
и на холмах крутолобых
ноги вмерзают в окоп.

Всё это было когда-то
и остается вовек:
чёрные строки шрафбата
в белый впечатаны снег.

Жизнь завершается наша
зимней атакой во сне.
выпита полная чаша,
самая малость на дне.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О нашей библиотечке .....</i>	<i>3</i>
<i>Александр Ревич.....</i>	<i>4</i>
<i>«Ева, девочка, дикарка.».....</i>	<i>6</i>
<i>«Беспроволочный телеграф души..».....</i>	<i>7</i>
<i>Проводы.....</i>	<i>8</i>
<i>«Быть может, это в детском сне...».....</i>	<i>10</i>
<i>Песенка.....</i>	<i>11</i>
<i>«Ты— родная земля и эпоха...».....</i>	<i>12</i>
<i>«В сон врывается листва...».....</i>	<i>13</i>
<i>Собачья площадка.....</i>	<i>14</i>
<i>Квартира.....</i>	<i>15</i>
<i>Окно.....</i>	<i>16</i>
<i>Флоренция. Улица Данте Алигьери.....</i>	<i>18</i>
<i>Сын Человеческий.....</i>	<i>20</i>

«Как стрела на излёте.».....	24
«И ласточки мелькнувшая стрела.».....	25
Рай.....	26
Молитва Ноя.....	27
Сон об Армагеддоне.....	28
Чаша.....	29

Библиотечка поэзии СПМ

Александр Михайлович Ревич
Стихи

Издание Союза писателей Москвы

Выпускающий редактор Л.М. Влодова
Дизайн библиотечки и верстка Л.М. Влодовой

Подписано в печать 18. 11..2008.
Тираж 500 экз.

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Союз писателей Москвы
начинает выпуск своей
поэтической библиотечки.

Союз
писателей
МОСКВЫ

В ближайшее время
планируется издать
книгу Евгения Бунимовича